

Проспер Мериме

Кармен

*Часть сборника
Хроника царствования Карла IX.
Кармен (сборник)*

Проспер Мериме Кармен

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168366
Мериме П. Кармен: новеллы: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47962-7
Оригинал: ProsperMérimée, "Carmen"
Перевод:
Ольга Владимировна Моисеенко*

Аннотация

«... Я надеялся исподволь вызвать незнакомца на откровенность и, невзирая на подмигивание проводника, навел разговор на разбойников с большой дороги. Разумеется, я говорил о них с уважением. В то время в Андалусии подвизался знаменитый разбойник, подвиги которого были у всех на устах. «А что, если бок о бок со мной едет сам Хосе Мария?» – говорил я себе. Я принялся рассказывать истории, слышанные мною об этом герое, – впрочем, все они были к его чести – и открыто выражал свое восхищение его смелостью и великодушием.

– Хосе Мария попросту мерзавец, – холодно заметил незнакомец.

«Отдает ли он себе должное, или же это излишняя скромность с его стороны?» – недоумевал я; в самом деле, чем внимательнее я вглядывался в своего спутника, тем больше поражало меня его сходство с тем Хосе Мария, приметы которого были вывешены на воротах многих андалусских городов. «Да, это он... »

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Проспер Мериме

Кармен

*Πᾶσα γυνὴ χόλοζ ἐστὶν ἔχει δαγαθᾶζ δίῳ ωραζ,
Τὴν μίαν ἐν θαλάμῳ, τὴν μίαν ἐν θανάτῳ.
Παλλάδαζ!*

Глава 1

Я всегда считал, что географы сами не знают, что говорят, утверждая, будто поле битвы при Мунде находится в стране пунических бастулов, а именно близ нынешней Монды, милях в двух к северу от Марбельи. На основании выводов, сделанных мною из *Bellum Hispaniense*, книги некоего анонимного автора, и сведений, которые мне удалось почерпнуть в превосходной библиотеке герцога Осунского, я полагал, что достопамятное место, где Цезарь в последний раз все поставил на карту в своей борьбе против сторонников республики, надобно искать неподалеку от Монтильи. Находясь в Андалусии ранней осенью 1830 года, я предпринял довольно длительную поездку, чтобы рассеять немногие еще остававшиеся у меня сомнения. Исследование, которое я собираюсь опубликовать, ответит, надеюсь, на недоуменные вопросы всех добросовестных археологов. А в ожидании того, когда мой труд разрешит, наконец, географическую загадку, поставившую в тупик всю ученую Европу, я хочу рассказать вам небольшую историю; замечу, что она ни в коей мере не предreshает любопытного вопроса о местонахождении Мунды.

Я нанял в Кордове проводника с двумя лошадьми и отправился в поход, не имея при себе иного багажа, кроме *Записок Цезаря* и нескольких рубашек. Я бродил как-то по возвышенной части Каченской равнины и, изнемогая от усталости, умирая от жажды, палимый раскаленными лучами солнца, от всего сердца посылал к черту Цезаря и сыновей Помпея, как вдруг заприметил неподалеку от тропинки, по которой ехал, зеленую лужайку, кое-где поросшую камышами и тростником. Вид ее предвещал близость источника. В самом деле, я вскоре убедился, что предполагаемая лужайка была болотом, в котором терялся ручей, по видимому, вытекавший из узкого ущелья между двумя высокими отрогами съерры Кабра. В голову мне пришла мысль, что, поднявшись вверх по его течению, я найду воду похолоднее с меньшим количеством пиявок и лягушек, а также, быть может, немного тени среди скал. При въезде в ущелье конь мой заржал, и ему тут же ответил другой, не видимый мною конь. Не успел я проехать и сотни шагов, как ущелье внезапно расширилось, явив моему взору нечто вроде естественного амфитеатра, затененного окружающими его обрывистыми склонами. Невозможно было найти место, сулящее путнику более приятный отдых. У подножия отвесных скал ручей, бурля, ускорял свой бег и падал с кручи в маленькое озеро, дно которого было устлано белоснежным песком. Внизу росли великолепные каменные дубы; защищенные от ветра и обильно питаемые влагой ручья, они бросали на него густую тень. Наконец мягкая, глянцевиная трава по берегам озерца обещала путнику ложе, лучше которого нельзя было бы сыскать ни в одной харчевне на десять миль вокруг.

Однако не мне принадлежала честь открытия этого превосходного места. Там уже отдыхал какой-то человек, и, когда я подъехал к нему, он, видимо, спал. Разбуженный ржанием, он вскочил на ноги и подошел к своему коню, который воспользовался сном хозяйина, чтобы досыта наестся растущей поблизости травой. То был молодой малый среднего роста, но с виду ловкий и сильный, которого отличал мрачный гордый взгляд. Под действием солнца цвет его лица, вероятно, светлый от природы, был теперь темнее волос. В одной руке

он держал недоуздок, в другой – медный мушкетон. Признаюсь, поначалу меня несколько озадачили и мушкетон, и свирепый вид его владельца; но я разуверился в существовании разбойников, ибо ни разу не видел их, хотя и был о них наслышан. Кроме того, я встречал стольких честных фермеров, которые вооружались до зубов, дабы ехать на рынок, что наличие огнестрельного оружия еще не давало мне права ставить под сомнение добропорядочность незнакомца. «Да и, кроме того, – подумал я, – на что ему мои рубашки и *Записки Цезаря*, напечатанные эльзевирами?» Итак, я приветствовал человека с мушкетом дружелюбным кивком и осведомился, улыбаясь, не нарушил ли я его покоя. В ответ он молча смерил меня взглядом с головы до ног и, вероятно, удовлетворенный осмотром, столь же внимательно посмотрел на подъезжающего проводника. Я заметил, что тот побледнел и с очевидным испугом осадил коня. «Неприятная встреча!» – подумал я, но осторожности ради решил не выказывать ни малейшего беспокойства. Я спрыгнул на землю, велел проводнику разнуздать моего коня и, встав на колени у ручья, погрузил в него голову и руки; затем лег ничком и в таком положении утолил жажду по примеру плохих воинов Гедеона.

Я наблюдал вместе с тем за своим проводником и за незнакомцем. Первый приближался с явной неохотой; второй, казалось, не замышлял ничего дурного; он отпустил своего коня и мушкетон держал уже не наперевес, а дулом вниз.

Не считая нужным обижаться на малое значение, какое он, видимо, придал моей особе, я растянулся на траве и непринужденно спросил, нет ли у него огнива. И тут же вытащил свой портсигар. Незнакомец все так же молча порылся у себя в кармане, достал огниво и услужливо высек для меня огонь. Он несомненно становился покладистее – он сел против меня, не расставаясь, правда, со своим оружием. Закурив, я выбрал лучшую из оставшихся у меня сигар и спросил, не курит ли он.

– Курю, сеньор, – ответил он.

То были первые сказанные им слова, и я заметил, что он произносит *s* не по-андалуски², из чего можно было заключить, что он путешественник, как и я, но только не совсем археолог.

– Возьмите, пожалуйста, вот эта недурна, – сказал я, предлагая ему настоящую гаванскую сигару.

Он слегка наклонил голову в знак благодарности, прикурил от моей сигары, еще раз кивнул мне и затянулся с нескрываемым наслаждением.

– До чего ж я давно не курил! – воскликнул он, медленно выпуская первую затяжку изо рта и ноздрей.

В Испании выкуренная вместе сигара располагает людей друг к другу, подобно угощению хлебом и солью на Востоке. Курильщик мой оказался более разговорчивым, чем я полагал. Впрочем, хоть он и утверждал, что живет в Монтильском округе, но с местностью знаком был плохо. Он не знал наименования прелестной долины, где мы находились, не мог назвать ни одной близлежащей деревни и, наконец, на мой вопрос, не видел ли он в окрестностях разрушенных стен, больших черепиц с закраинами или украшенных орнаментом камней, признался, что никогда не обращал внимания на такие мелочи. Зато он оказался знатоком по части лошадей. Он раскритиковал мою лошадь, что было нетрудно сделать, затем описал родословную своего коня, знаменитого кордовского завода, животного поистине благородного и такого выносливого, что, по словам незнакомца, он как-то проскакал на нем галопом и крупной рысью тридцать миль за один день. Посреди своей тирады он вдруг запнулся, как бы спохватившись, что наговорил лишнего. «Видите ли, я очень торопился в

---

² Андалусцы произносят «*s*» с придыханием, как нечто среднее между мягким «*c*» и «*z*», тогда как испанцы выговаривают его на манер английского *th*. Так, по одному слову *senor* легко узнать андалусца. (Прим. авт.)